

НАМЕК КАК СПОСОБ КОСВЕННОЙ ПЕРЕДАЧИ СМЫСЛА

HINT AS AN INSTRUMENT OF INDIRECT COMMUNICATION

А.Н. Баранов (baranov_anatoly@hotmail.com)
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва

Рассматриваются существенные семантические и прагматические характеристики намека. Показывается, что намек может выражаться не только вербальными формами, но и невербальными действиями с нерегулярной семантикой. Вводится противопоставление истинного (сложного) намека и регулярного (продуктивного) намека. Показывается, что намек отличается от косвенных речевых актов тем, что приводит к имплицитному способу представления содержания, а косвенные речевые акты эксплицитны.

1. Постановка задачи

Намек относится к числу способов косвенной передачи информации и одновременно приемом имплицитного речевого воздействия. В толковых словарях слово *намек* толкуется как ‘слова (а также жест, поступок), предполагающие понимание по догадке’ [Ожегов и Шведова 1992], ‘слово или выражение, в котором мысль высказана неявно, не полностью и может быть понята только по догадке’ [МАС].

В статье И.М. Кобозевой и Н.И. Лауфер «Об одном способе косвенного информирования» предлагается определение категории намека и дается типология контекстов «намекания» [Кобозева, Лауфер 1988]. Несмотря на подробное рассмотрение феномена намека в указанной работе, остается целый ряд вопросов, решение которых необходимо как для прояснения сущности этой категории, так и для использования понятия намека как инструмента анализа семантики и прагматики текста, дискурса (например, в лингвистической экспертизе).

Определение и исследование феномена намека может основываться на двух различных теоретических допущениях. Во-первых, можно считать, что это искусственная категория, не имеющая отношения к семантике слова *намек* и глаголу *намекать*. В таком случае определение и обсуждение данной категории оказывается привязанным к конкретной семантической теории и задачам, которые стоят перед нею. Такой подход можно назвать искусственным. При противоположном – естественном – подходе предполагается, что использование категории намека как элемента семантического метаязыка тесно связано со значением соответствующих слов русского языка – *намек* и *намекать*. Большинство дальнейших рассуждений имеют смысл только при естественном подходе к категории намека. (Аналогичный подход выбран и в [Кобозева, Лауфер 1988].)

Далее изложение строится таким образом, что сначала обсуждаются спорные и неясные аспекты семантики и прагматики намека, а затем делаются существенные теоретические разграничения типов намеков и формулируются соответствующие определения.

2. Вербальный vs. невербальный носитель намека

В приведенном выше определении слова *намек* по словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в качестве носителя намека могут выступать как слова, так и жесты и поступки – то есть невербальные сущности. В дефиниции МАСа намек может передаваться только вербальными формами – словами и выражениями. В работе [Кобозева, Лауфер 1988] носитель намека также ограничен только «речевыми действиями». В качестве примера авторы статьи указывают на явную неудачность использования деепричастия *намекая* во фразе с коммуникативно значимым действием: *Иван Иванович встал из-за стола, давая понять (намекая), что разговор окончен.*

Анализ показывает, однако, что в контекстах аутореферентного¹ употребления глагола *намекать*, процент примеров с невербальным носителем намека довольно велик. Так, в Корпусе «Русская проза (60-90 гг.)» (порядка 25 млн. словоупотреблений)² всего было обнаружено 86 контекстов употребления деепричастия *намекая*, при этом 26 из них (более 22 %) приходилось на невербальный носитель намека:

(1) **а.** *Той порой собаки, подобравшие всю бросовую рыбу с приплесков, незаметно вползли под стол и, по сапогам, по запаху ли отыскав своего малого хозяина и друга, тыкались мокрыми носами в колени, намекая насчет себя.* В. Астафьев. Царь-рыба **б.** *Нищий посмотрел на мятую шляпу, наполовину наполненную*

¹ В узком понимании аутореферентные (или в другом написании «автореферентные») употребления относят только к эксплицитным перформативам, то есть речевым актам типа: *Я требую, чтобы вы освободили помещение!*, *Я прошу вас остаться!*, однако распространение данной категории на все метаязыковые употребления языковых форм вполне последовательно и уместно. Дело в том, что появление перформатива в эксплицитной перформативной формуле, в сущности, является метаязыковым комментарием – как и оценка говорящим речевого акта как намека.

² Корпус создан в отделе экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН.

медными деньгами, намекая. Старик торопливо достал портмоне. А Шендарев. Дом для пилигримов В. Цокая каблуками, проходили мухусские модницы, и дядя Сандро, встречаясь с ними глазами, подкручивал ус, намекая на веселые помыслы. Ф. Искандер. Сандро из Чегема

Контексты (1а-в) воспринимаются как совершенно нормальные³. Следовательно, намек может передаваться не только вербально, но и невербально. Заметим, однако, что невербальное действие всегда оказывается коммуникативно значимым: так или иначе ему приписывается какая-то семантика. Для намека с невербальным носителем существенно, чтобы соответствующая семантика не была регулярной для этого носителя, то есть жесты с фиксированным значением не могут быть носителями намека. Ср. *Он, пожал Роману руку, ?намекая на прощание/приветствие; При виде входящего начальства капитан вскочил и приложил руку к фуражке, ?намекая на приветствие.* По тем же причинам неудачна фраза *Иван Иванович встал из-за стола, ?намекая, что разговор окончен* при норме *Иван Иванович углубился в бумаги, намекая, что разговор окончен.* «Углубление в бумаги» нельзя рассматривать как общепринятый невербальный знак конца разговора в то время, как пожатие руки и «отдание чести» – стандартные формы невербального приветствия.

3. Проблема «нетривиальности» намека: истинный намек vs. регулярный намек

В упоминавшихся словарных определениях слова *намек* ключевое слово в понимании феномена намека – это догадка. Догадка предполагает, что читатель должен сам прийти к каким-то выводам по неполным данным, по редуцированному способу языкового выражения содержания намека. Эксплицитный комментарий автора текста превратил бы намек в обычное речевое высказывание, не несущее скрытого содержания, реализующего скрытую же интенцию автора. В [Кобозева, Лауфер 1988] говорится в этой связи о «нетривиальности» намека. Там же отмечается, что противопоставление по тривиальности – нетривиальности не бинарно, а градуально. Действительно, догадка в намеке может основываться и на решении простой задачи, и на разгадывании сложной головоломки.

Центр категории намека – его прототипическую часть – образуют намеки, требующие решения сложной задачи. Такой намек можно назвать **истинным намеком** или **сложным намеком**. На существовании такой категории намека косвенно указывает («намекает») сочетаемость слова *намек*: *тонкий намек, туманный намек, хитрый намек, искусный намек, смутный намек, отдаленный намек.*

Важная особенность истинного намека заключается в том, что он необязателен в том смысле, что непонимание намека не приводит к явной коммуникативной неудаче – текст не теряет осмысленность и семантическую связанность. Истинный намек формирует альтернативное семантическое пространство текста, доступное только посвященным и закрытое от профанов, при этом поверхностное прочтение текста остается открытым для любого адресата. Сложные намеки – это истинные намеки, намеки в точном смысле. Они не обязательно прочитываются и не позволяют однозначно реконструировать свое содержание. Как отмечает Стросон, «суть намека заключается в том, что слушающий должен *подозревать* (не более того) наличие определенного намерения, например, намерения вызвать или раскрыть определенное убеждение». И далее продолжает: «Намерение, которое имеет человек, говорящий намеками, по существу своему не предназначено к открытому узнаванию (nonavowable)» [Стросон 1986, с. 144]. Стросон, конечно, имеет в виду сложные намеки, образующие центр этой категории. Можно выделить следующие основные свойства центральной части феномена намека – истинного намека:

- содержание намека представлено в поверхностной форме высказывания в осложненном для понимания виде (редуцированно, в виде следов, либо, наоборот, в расширенном усложненном варианте);
- содержание намека должно быть угадано адресатом;
- открытие содержания намека предполагает привлечение экспертных знаний адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте;
- непонимание истинного намека не должно вести к коммуникативной неудаче в том смысле, что текст, содержащий такой намек, не должен терять связность и осмысленность, если намек не понят;
- содержание намека образует альтернативный – и более глубокий – уровень понимания текста.

Из сказанного следует, что истинный, или сложный, намек в определенном смысле факультативен, а реконструкция его содержания допускает значительную вариативность – особенно в отношении коммуникативной направленности намека, иллокуции, которая должна была бы сопровождать содержание намека. Рассмотрим некоторые примеры.

В сетевом издании www.gpni.ru была опубликована статья «Госдума отложила рассмотрение закона об НКО⁴» (05.12.2005). Статья посвящена реакции В. Путина на критику закона об НКО, который в ответ на критические замечания поручил главе своей администрации в пятидневный срок подготовить пакет возможных поправок от имени президента в этот законопроект. Статья сопровождается рекламным баннером и текстовым фрагментом, напоминающим врезку, который расположен под рекламой и содержит следующие строки из поэмы

³ Следует отметить, что некоторые авторы склонны к такому употреблению глагола *намекать* в большей степени, чем другие – в частности, Ф. Искандер. Иными словами, иногда в этом проявляется авторский стиль. В законченном и совсем уже гипертрофированном виде «невербальный» намек обнаруживается в поэзии: *Еще дитя, еще намек, / еще в походке ошибаясь, / приходит в мир, как в свой чертог, / погоде странной улыбаясь.* Б. Ахмадулина.

⁴ «Закон о некоммерческих неправительственных организациях».

Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»: *Днем с полюбовницей тешился, / Ночью набеги творил, / Вдруг у разбойника лютого / Совесть господь пробудил.* Такой намек можно и не понять, поскольку формально статья и текстовый фрагмент не образуют единого текста: цитата из Н. Некрасова не оформлена как врезка к статье, а, скорее, воспринимается как автономное образование. Более того, на нее можно просто не обратить внимание, однако если читатель обращает внимание и «взыскует» смысла, то предположение о неидиотизме отправителя текста (не всегда, впрочем, оправдывающееся) позволяет реконструировать такие формы, как ‘Путин напоминает разбойника’, ‘Путин как разбойник’, ‘Некоторые действия Путина напоминают действия разбойника’ и т.д. Иными словами, перед нами типичный пример использования намека как средства имплицитного речевого воздействия, затрудняющий точную реконструкцию вербальной формы передаваемого смысла.

Еще менее очевидна вербальная форма истинного намека в контекстах, совмещающих свойства аллюзии⁵ и намека. Примером такой нейтрализации является начальный комментарий к пьесе-шутке А. Вампилова «Свидание»: *Сценка из рыцарских времен.* Сюжет пьесы анекдотичен. Юноша и девушка, будучи знакомы только по телефону, спешат на первое свидание друг к другу. Юноша вдруг обнаруживает, что его ботинок просит каши, и он договаривается с сапожником о быстром ремонте. У девушки, проходящей мимо, ломается каблук и она просит юношу уступить ей место, но тот не соглашается, происходит ссора. В конце концов, герои, страшно обиженные друг на друга, узнают, что спешили на свидание друг к другу.

Комментарий к пьесе представляет собой намек-аллюзию на «Сцены из рыцарских времен» А.С. Пушкина, причем содержание намека-аллюзии весьма неопределенно. Это может быть установление аналогии по объему (оба произведения сравнительно невелики), указание на сходство в поведении персонажей (главные герои ведут себя совсем не по-рыцарски), указание на сходство в развитии событий – неуспех главного героя и т.д. Сложный намек-аллюзия построен таким образом, что недогадливость читателя никак не мешает пониманию текста в целом, поскольку прилагательное *рыцарский* во фразе *Сценка из рыцарских времен* само по себе семантически самодостаточно и не требует обязательной интертекстуальной отсылки к тексту А.С. Пушкина. Оно воспринимается как языковая игра: это одновременно и ‘современный’ и ‘лишенный моральных норм, приписываемых в обыденном сознании рыцарям’. Намек-аллюзия в данном случае формирует альтернативный план понимания текста, который, конечно, обогащает его содержание, но не приводит к очевидной коммуникативной неудаче, если не будет понят адресатом.

На основании сказанного можно дать следующее определение категории истинного (сложного) намека:

Истинный намек – это такой способ косвенной передачи информации, который с формальной точки зрения основан на усложнении описания информации языковыми формами (реже – на использовании многозначных действий или действий с нестандартной семантикой), а с содержательной – допускает вариативность реконструкции своего содержания в процессе угадывания, в основе которого лежат, преимущественно, нерегулярные правила вычисления смысла и использование знаний адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте, при этом намек формирует альтернативный уровень содержания текста, непонимание которого не ведет к коммуникативной неудаче в понимании основной части текста.

На другом полюсе параметра нетривиальности находится легко вычисляемые, реконструируемые намеки – *прозрачный намек, прямой намек, обычный намек, открытый намек, явный намек, несомненный намек, недвусмысленный намек, грубый намек.* **Регулярные**, или **продуктивные**, намеки стоятся по регулярным правилам реконструкции содержания и основываются на знаниях о мире, присущих подавляющему большинству членов языкового социума. Их аналогом в сфере лексической семантики можно считать типы регулярной многозначности слов. Продуктивные намеки образуют периферию феномена намека. К числу продуктивных относятся намеки, построенные, например, по следующей схеме: ‘напоминание кому-л. того, что этот некто имеет X, эквивалентно указанию этому лицу на необходимость использования X-а’.

Так, фраза *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье*⁶ представляет собой регулярный намек указанного типа, в котором содержится призыв к армии использовать оружие против правительства/власти.

Еще один пример регулярного намека реализуется во фразе *Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи»*⁷. Его сущность можно проиллюстрировать следующей схемой: ‘здравницы в честь людей, следующих некоторому призыву-лозунгу, эквивалентны призыву следовать этому призыву-лозунгу’.

Пример регулярного намека обнаруживается и в следующем примере:

(2) *Тем временем пиарщики нашего олигарха не теряют времени даром. Роман Паратов из нефтяного «барона-разбойника» оказывается вдруг ярым государственным. Человек, ставший экономическим бедствием для нескольких регионов России, берется решать за президента, что лучше для страны –*

⁵ Аллюзия отличается от истинного намека не только еще большей степенью вариативности реконструкции содержания и сложностью его вербализации, но и тем, что аллюзия не имеет какого-то прототипического полного языкового представления, а намек, даже истинный, чаще всего имеет.

⁶ Выступление А.М. Макашова на митинге 4 октября 1998 в г. Москве на Смоленской-Сенной площади. Более подробно анализ семантики призывов, в том числе на данном митинге, см. в [Баранов 2006 (в печати)].

⁷ Выступление В.М. Гунько на митинге 4 октября 1998 в г. Москве на Смоленской-Сенной площади.

когда и как вступать в ВТО, каким экономическим курсом идти правительству. <...> Западное общество пытаются убаюкать сказкой о «чистом» Паратове и «нечистых» Тушинских племянниках. И это понятно – криминальные финансы отмываются за рубежом. Легализация имиджа закономерно следует за легализацией бизнеса и кровавых денег. Однако эти люди надевают белые перчатки лишь для того, чтобы не оставлять отпечатки пальцев. «Главный список»

Во фразе <...> эти люди надевают белые перчатки лишь для того, чтобы не оставлять отпечатки пальцев представлен совершенно прозрачный намек, основанный на следующей схеме: 'указание на действие, совершаемое человеком, которое типично для участника, выступающего в роли X в некоторой типизированной ситуации, эквивалентно называнию этого участника по его роли в этой ситуации'.

В предшествующем тексте анализируемой публикации упоминались Тушинские племянники и Р. Паратов, то есть словосочетание эти люди относится и к Р. Паратову и к Тушинским племянникам. Известно, что использование перчаток для того, чтобы не оставлять отпечатки пальцев, типичное действие преступников во время совершения преступления – часть сценария совершения преступления. Следовательно, содержание намека в том, что и Р. Паратов причисляется автором текста к преступникам.

Из приведенных примеров становится ясно, что регулярный намек «вписан» в содержание текста и его понимание необходимо для сохранения связности в понимании. Регулярные или продуктивные намеки можно определить следующим образом:

Регулярный, или продуктивный, намек – это такой способ косвенной передачи информации, который с формальной точки зрения основан на усложнении описания информации языковыми формами (реже – на использовании многозначных действий или действий с нестандартной семантикой), а с содержательной предполагает обязательную реконструкцию своего содержания по неполным данным, то есть угадывание, в основе которого лежат относительно регулярные правила вычисления смысла и знания адресата о мире или конкретной проблемной ситуации, обсуждаемой в тексте, при этом намек формирует не альтернативный уровень содержания текста, а его имплицитную составляющую, непонимание которой может привести к коммуникативной неудаче.

4. Регулярный, или продуктивный, намек и косвенные речевые акты

Регулярные или продуктивные намеки во многом близки другим косвенным способам передачи смысла, основанным на регулярных преобразованиях. В частности, очевидно сходство намеков и косвенных речевых актов, то есть случаев использования высказываний, грамматическая форма которых обычно используется для выражения иллокуции X, для выражения иллокуции Y, не равной иллокуции X [Серль 1986]. Например, фраза *Не могли бы вы мне передать сыр?* грамматически является вопросом, но реально в коммуникации используется для выражения вежливой просьбы. Понимание этой фразы как истинного вопроса, вопроса в первичной функции возможно, но в практическом плане часто оказывается бессмысленным: действительно, простой ответ «да», удовлетворяющий любопытство спрашивающего, ничего не меняет в смысле удовлетворения его желания.

Таким образом, как и намеки, косвенные речевые акты относятся к непрямым способам передачи содержания. Как и регулярные намеки, они исходно основываются на некотором более или менее стандартном способе переинтерпретации речевой формы⁸. Однако различия между этими феноменами существуют. В-первых, косвенные речевые акты лишь по происхождению являются результатом переосмысления соответствующих грамматических форм. Фактически косвенная передача другой иллокуции уже закреплена за соответствующей фразой при ее произнесении в некоторой ситуации. Речевой акт *Не могли бы вы мне передать сыр?* за обедом, завтраком, ужином и т.п. стандартно понимается как просьба. Аналогично вопрос *Ну что мне с тобой делать?* по отношению к шалашему ребенку обычно понимается как выражение неудовольствия, а не как желание получить информацию. По сути актуального переосмысления не происходит или оно существенно упрощено по сравнению с намеками. Соответствующие формы косвенных речевых актов настолько конвенциональны, что часто фиксируются в грамматиках (см., например, выделение коммуникативных функций просьбы и совета у предложений, имеющих грамматическую форму вопросов в «Русской грамматике» [Русская грамматика 1980, § 2591]).

Во-вторых, когда мы говорим о передаче информации (содержания) и ее представлении в языковых формах, следует разграничивать категорий «прямой – косвенный» и «эксплицитный – имплицитный». Действительно, прямой способ передачи информации чаще всего соответствует ее эксплицитному представлению в языковой форме, а косвенный – имплицитному. Однако это совершенно не обязательно. Косвенная передача смысла может быть совершенно эксплицитной. Действительно, произнося фразу *Молока не продашь ли, хозяйюшка?*, говорящий вовсе не пытается что-то скрыть, представив иллокутивную силу просьбы в имплицитном виде. Косвенная форма передачи коммуникативного намерения преследует здесь цель достижения вежливости, поскольку *не-ли-вопрос*

⁸ Приводимый в [Шатуновский 2004] вопрос *Не хотите ли вы вынести мусор?* в значении побуждения как пример нестандартного косвенного речевого акта трудно считать абсолютно нормальным. Дело в том, что он построен по аналогии с вежливыми предложениями сделать адресату что-то приятное, оказать какую-то услугу. Ср.: *Не хотите ли еще чайку?*; *Не хотите ли сигаретку?* Использование аналогичной конструкции для предложения заняться каким-то малоприятным делом смотрится странно и может интерпретироваться как форма скрытого издевательства. Так что, дело здесь не в нестандартности – как раз способ косвенного выражения иллокутивной силы вполне стандартен.

содержит установку на негативный ответ, который и фиксируется в поверхностной форме вопроса [Баранов, Кобозева 1983]. Вполне эксплицитны и другие косвенные речевые акты. В отличие от косвенных речевых актов, регулярный намек является **косвенной формой передачи содержания, приводящей к имплицитной форме выражения** этого содержания. Разумеется, истинный намек ведет к имплицитности передаваемого содержания в еще большей степени. В этом отношении намеки отличаются и от двусмысленных высказываний, в которых смысловые планы равноправны⁹.

Как показывает опыт лингвистических экспертиз, весьма часто регулярный намек используется именно для того, чтобы избежать обвинений в обнародовании нежелательной информации – ср. пример 2, а также призывы *Армия и флот, ты вспомни, что у тебя есть ружье* и *Да здравствуют люди, в груди которых один призыв звучит: «К оружию, товарищи»*, рассмотренные выше. Однако, регулярный намек является обязательной частью плана содержания высказывания и текста и, в отличие от истинного/сложного намека, может быть реконструирован.

В-третьих, непонимание косвенного речевого акта ведет к коммуникативной неудаче. Аналогичный эффект возникает и при непонимании регулярного намека. Истинный намек в этом отношении противопоставлен и косвенным речевым актам, и регулярным намекам: его непонимание не приводит к полному краху коммуникации, поскольку содержание истинного намека образует альтернативный смысловой план.

В-четвертых, если пытаться распространить на рассматриваемые феномены понятие внутренней формы, то последняя, несомненно, есть у косвенных речевых актов: ее образует речевой акт в коммуникативной функции, типичной для соответствующей грамматической формы предложения. Иными словами, для вопросов в функции просьбы внутренней формой будет речевой акт вопроса. Намеки – как регулярные, так и истинные – в этом смысле внутренней формы лишены. Для истинных намеков внешний, эксплицитный смысловой план не менее важен, чем само содержание намека, а в регулярных намеках имплицитная часть оказывается продолжением его эксплицитной части.

Наконец, в-пятых, многие регулярные намеки с формальной точки зрения представляют собой результат усечения, редукции формы: ср. *Кое-кто не хочет заниматься* вместо *Павел не хочет заниматься*. Косвенные речевые акты, напротив, являются не редукцией формы, а ее переинтерпретацией.

5. Заключение

Таким образом, сущность намека заключается в том, чтобы косвенно передать некоторое содержание, используя модель мира адресата – его знания о ситуации и устройстве действительности, причем это содержание оказывается в имплицитных слоях семантики высказывания и текста. В общем случае намек основывается на упоминании некоторого компонента типизированной ситуации (фрагмента фрейма или части алгоритма сценария), по которому адресат может реконструировать всю ситуацию в целом или те ее компоненты, которые составляют содержание намека. Если адресат не имеет необходимого фонового знания (нужной когнитивной структуры), то намек не будет прочитан, понят.

Воздействующий эффект намека, как и при использовании других скрытых способов управления пониманием, основывается на эффекте приватизации знания [Баранов 1990]. Когнитивная ценность намека в том, что, угадав, вычислив содержание намека по его неполным следам в языковой форме, то есть, приложив дополнительные усилия для получения знания, человек не откажется от него и отнологизирует, то есть введет в модель мира, и будет склонен к его использованию.

Список литературы

1. Баранов А.Н. *Что нас убеждает? (Речевое воздействие и общественное сознание.)* М., 1990.
2. Баранов А.Н. *Лингвистическая экспертиза текста (теория и практика)*. М., 2006 (в печати).
3. Баранов А.Н., Кобозева И.М. *Семантика общих вопросов в русском языке // Известия АН СССР. Сер. Литературы и языка, 1983, № 3.*
4. Кобозева И.М., Лауфер Н.И. *Об одном способе косвенного информирования // Изв. АН СССР, Сер. Литературы и языка, 1988, Т. 47, № 5.*
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. М., 1992.
6. *Русская грамматика*, М., 1980, тт. 1, 2.
7. Серль Дж.Р. *Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.*
8. *Словарь русского языка в 4-х тт. / под ред. Евгеньевой А.П., т. II, М., 1986. (МАС)*
9. Стросон П.Ф. *Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Теория речевых актов. М., 1986.*
10. Шатуновский И.Б. *6 способов косвенного выражения смысла // Труды международной конференции «Диалог-2004». М., 2004.*

⁹ См. аналогичные наблюдения в [Шатуновский 2004].